

Геннадий Авласенко Сказка о Мушке, которая любила работать Сказочная повесть

Глава 1. В которой мы знакомимся с маленькой Мушкой, с её родителями, а также со всеми теми проблемами, которые у них вдруг возникли

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была... Мушка.

Мушка как мушка, чёрненькая, блестящая, с прозрачными крылышками... в общем, ничем особенным не отличалась она от всех остальных мух и мушек сказочного того государства.

Кроме одного...

Она любила работать!

А надо сказать, в мушиной этой стране работать было строжайше запрещено! И за нарушение непреложного сего закона могло последовать весьма и весьма суровое наказание. И, наверное, поэтому жители страны (мухи, то есть) никогда не работали и, вообще, относились к

работе, как к чему-то постыдному или даже преступному.

Все, кроме нашей маленькой Мушки...

Она любила работать. Она просто обожала работать, она жизни себе не представляла без постоянного, повседневного даже труда. А потому тайком от всех (и от родителей, в первую очередь) улетала на луг и помогала тамошним пчёлам собирать нектар. И пчёлы, хоть и поглядывали поначалу с насмешкой и недоумением на странную эту муху, постепенно привыкли к её присутствию и даже с ней (подумать только — пчёлы да с мухой!) почти подружились. Но в свои ульи они её, разумеется, никогда не приглашали.

Дело в том, что отношения между мушиным государством и пчелиной пасекой, расположенной неподалёку, нельзя было назвать дружественными, тем более, что правили в мушиной стране не сами мухи, а почему-то, осы во главе с Великим Шершнем. Ну, а осы с пчёлами, как известно, издавна враждуют... и мухам, разумеется, ничего иного не оставалось, как тоже враждовать с пчёлами и считать их главными своими недругами.

Как я уже отметил выше, наша Мушка посещала луг тайком, но рано или поздно всё тайное становится явным. И вот как раз сегодня отец нашей маленькой Мушки догадался, наконец-таки, чем на самом деле почти ежедневно

занимается его дочь. А, догадавшись, тотчас же...

Впрочем, не будем забегать вперёд. Посетим лучше для начала маленький домик, где и проживает наша Мушка вместе со своими родителями. Её в настоящий момент нет дома, но отец и мать Мушки уже тут и с нетерпением ожидают возвращения дочери.

Домик родителей Мушки ничем не отличался от многих других домков и домиков мушиного этого государства. И внутреннее убранство главной его комнаты было весьма и весьма скромным: стол, несколько простеньких стульев, старый буфет у стены. И ещё двери, ведущие в две отдельные спальни: одна — для родителей, соседняя с ней — для самой Мушки.

Но эти двери нас не касаются никоим образом, ведь за ними ничего относящегося к нашей сказочной истории происходить не будет. Послушаем лучше, о чём ведут между собой разговор родители Мушки. О, да они, кажется, спорят и даже ссорятся... или мне это только показалось?

— Нет! Её до сих пор нет! — внезапно вскрикивает отец Мушки и, вскочив со стула, начинает взволнованно ходить, точнее, бегать (а ещё точнее, летать) по комнате. — Ну, я её! Ну, я ей...

— Ты всё же постарайся держать себя в

руках, — кротко замечает мать Мушки и, вздохнув, добавляет: — Она же ещё совсем ребёнок.

— Ребёнок?!

Прекратив своё бесцельное метание (вернее, летание), отец Мушки вновь опускается на стул.

— Да она достаточно взрослая для того, чтобы самой отвечать за свои поступки! И понимать, что можно делать, а чего нельзя ни в коем случае!

Выпалив всё это одним духом, отец Мушки умолкает, и некоторое время оба родителя сидят молча.

— Какой позор! Дожил на старости лет — соседям в глаза взглянуть стыдно! А вдруг кто-то из них уже знает, что тогда?

— И в кого она такая уродилась, не понимаю! — вздохнув ещё раз, мать Мушки недоуменно пожала плечами. — И я, и ты, и вся наша родня... мы всегда были добропорядочными, законопослушными мухами. Ни одного порочащего поступка за всю жизнь... ничего такого, чего стоило бы стыдиться. Разве что... — тут она умолкла на мгновение, искоса взглянула на мужа и, вздохнув уже в третий раз, добавила тихо, еле слышно: — Разве только мой младший брат...

— Не вспоминай о нём!

Выкрикнув это, отец Мушки вновь начинает кружить по комнате. По всему видно, даже короткое упоминание о брате жены приводит его в

полное неистовство.

— Не вспоминай о нём! — не кричит даже, а, скорее, визжит он. — Твой брат плохо кончил и... и не смей даже думать о нём! — От избытка чувств отец Мушки попытался даже ногой о потолок топнуть, впрочем, ноги у мух тоненькие и слабые, так что топанья этого жена попросту не расслышала. — Я запрещаю тебе даже думать о нём! Слышишь, я запрещаю!

— А я и не думаю, — тихонько проговорила мать Мушки, тайком смахивая слезу.

— Врёшь! — продолжал визжать отец Мушки. — Думаешь! Каждый день думаешь! И каждый вечер думаешь! Я же не слепой... я вижу, я всё вижу!

— Разговор шёл о нашей дочери! — наконец-то повышает голос и мать Мушки. — Не понимаю, причём тут мой несчастный брат?!

— Притом!

— Ну, знаешь...

Мать, кажется, собиралась достойно ответить мужу на все эти вздорные обвинения, но в это самое время в комнату влетела Мушка, их дочь и главная героиня нашей сказочной повести. Увидев её, оба родителя тотчас же умолкли.

— Приветик, мамулечка! — весело воскликнула Мушка, подлетая к матери и целуя её в щёку. — Приветик, папулечка! — она хотела

поцеловать также и отца, но тот демонстративно отклонил голову в сторону. — А вы чего такие надутые? Снова ссоритесь?

— А с чего ты, позволь спросить, взяла, что мы ссоримся? — сухо и даже почти сурово проговорил отец, пристально глядя на Мушку. — И вовсе даже мы не ссоримся!

— Разумеется, не ссоримся! — тут же подтвердила мать. — Наоборот даже...

— Ну, я очень рада!

Повернувшись, она хотела уйти (вернее, улететь) в свою комнату, но отец её остановил.

— Подожди! — тоном, не предвещающим ничего хорошего, произнёс он. — Задержишься на минуточку!

Остановившись возле самой двери, Мушка вновь повернулась к родителям.

— Что, папочка?

— Ты где была? — всё тем же строгим голосом произнёс отец.

— Когда? — вопросом на вопрос ответила Мушка и, разумеется, окончательно вывела родителя из себя.

— Не строй из себя дурочку! — заорал он, да так, что Мушка испуганно отшатнулась в сторону. — Откуда ты прилетела только что?

— Да так, ниоткуда, — не совсем уверенно проговорила, точнее, пролепетала Мушка. —

Просто... просто гуляла... летала, себе, туда-сюда...

— Гуляла? Летала? Слышишь, мать, она, оказывается, просто летала? И где же ты так летала, ежели не секрет?

— Ну... я уже и не помню, — пролепетала Мушка ещё более неуверенно. — Мало ли где...

— Ну, а всё-таки?

Отец умолк, в ожидании ответа, но Мушка так ничего ему и не ответила.

— Ты была на лугу? — не спросил даже, а, скорее, утвердительно отчеканил отец. — Ну, что ты молчишь? Ты снова там была?!

И вновь Мушка ничего не ответила. Она лишь низко опустила голову.

— Была, значит!

Не в силах больше себя сдерживать, отец повернулся к матери.

— Ты слышишь, она там была! Несмотря на все мои запреты, она снова полетела на луг! И что же ты там делала?

Ответа, разумеется, он так и не дождался.

— Что ты делала там? — медленно, почти по слогам произнёс отец. — Отвечай, я тебя, кажется, спрашиваю?!

— Я... я просто летала там, среди цветочков, — растерянно прошептала Мушка, сильно краснея оттого, что приходится врать. —

Просто любовалась цветочками... они такие красивые с утра, вот я и...

Не договорив, Мушка умолкла, и на некоторое время в комнате воцарилось всеобщее и довольно-таки напряжённое молчание.

— Ты правду говоришь, доченька? — с надеждой спросила мать. — О том, что ты просто летала среди цветочков...

Понурился так низко, как это только возможно, Мушка ничего на это не ответила. Да и что отвечать, ежели так не хочется врать, а сказать родителям правду...

— Лжёт! — что есть силы завопил отец, топя поочередно средними и задними ногами. — Ты же нам сейчас лжёшь, да?! Что ни слово, то ложь, наглая ложь! Ты не просто летала там, среди цветочков! Ты... ты... — тут он понизил голос почти до шёпота, — ты там работала!

— Что ты говоришь такое! — вскрикнула мать, хватаясь за сердце. — Она этого не делала! Она просто не могла этого делать! Она же понимает, что это...

— Молчать!

В великом гневе отец Мушки затопал уже сразу всеми имеющимися ногами.

— Не могла?! Не могла, а всё же работала! Помогала этим противным пчёлам!

— Они не противные, папа! — давась

слезами, запротестовала Мушка. — Они...

— Молчать, я кому сказал! Ни слова больше, иначе я за себя не ручаюсь!

Высказав (а вернее, выкрикнув) всё это, отец вновь принялся топтать ногами, и на этот раз топал он довольно-таки продолжительное время.

— Да я же тебя... — выкрикивал он в промежутках между топаньем. — Да я же с тобой... О, что я сейчас сделаю с этой... с этой...

— Не надо так, папочка!

Подлетев к отцу, Мушка попыталась его обнять, но отец просто оттолкнул от себя дочь.

— Молчать! — не переставая топтать, продолжал кричать он далее. — Молчать, в третий раз тебе повторяю!

Впрочем, выкрикнув эту последнюю фразу, отец Мушки и сам умолк... и вновь в комнате воцарилось молчание, которое, впрочем, нарушила уже сама Мушка. Она начала всхлипывать, сначала тихонечко, потом всё громче и громче...

— Ну вот, как всегда! — несколько смущённо пробормотал отец, который был не только весьма вспыльчивым, но и быстро отходчивым. — Не успеешь и двух слов сказать — сразу слёзы!

— Просто ты очень грубо с ней разговаривал, — кротко отозвалась мать. — Я же просила тебя, ты же мне обещал!

— Просила! Обещал! — проворчал отец, всё

ещё не в силах окончательно успокоиться. — Ну, так поговори с ней сама! А с меня хватит! У меня, к твоему сведению, нервы! И они у меня расшатаны! Мне так жук-санитар сказал! — вздыхая, он вновь уселся за стол. — Ну, что же ты молчишь, давай, говори!

Тяжело вздохнув, мать подлетела вплотную к дочери и обняла её за плечи.

— Глупышка ты моя маленькая! — прошептала она Мушке в самое ухо. — Ну, подумай сама, кем... ну, кем ты хочешь стать! Я уже и не говорю о том, что это физически невозможно — муха, если она родилась мухой, никак не может превратиться в кого бы то ни было. Но превращаться в пчелу?! Зачем тебе даже мечтать об этом? С изысканной беззаботной мухи превратиться в какую-то грубую необразованную пчелу, которая кроме своей тупой принудительной работы ничего больше не знает, да и знать ничего не желает! Фу!

— Работать?! — скривился отец, его даже передёрнула от одного этого слова. — Бр-р-р! Как это, наверное, неприятно!

— Это приятно, папа! — оживившись, и с какой-то непонятной надеждой воскликнула Мушка. — Это очень приятно! И если б вы с мамой хоть разочек сами...

— Ну, этого ты от нас не дождёшься!

Решительно поднявшись из-за стола, отец вновь принялся нервно кружить по комнате.

— Скорее будет наоборот!

— Наоборот? — растерянно переспросила Мушка. — Как это, наоборот?

— А так это! Мы с мамой... — тут отец умолк, не договорив, потом бросил в сторону жены весьма многозначительный взгляд, словно приглашая этим её к продолжению разговора.

Но мать так ничего и не произнесла, и продолжать разговор пришлось ему самому.

— Так вот, — бодренько и жизнерадостно проговорил отец, потирая передние лапки, — мы тут с мамой посоветовались и решили, что тебя лучше на некоторое время отсюда удалить!

— Удалить? — ещё более растерянно проговорила Мушка. — Куда удалить?

— Не удалить, а отправить! — поспешно исправила мать не вполне удачную отцовскую фразу. — В гости... на время. И самым наилучшим вариантом будет отправить тебя к моей сестре, на кухню.

— На кухню?

Голос Мушки выдавал крайнюю степень её нежелания отправляться хоть куда-нибудь, а уж тем более, на эту самую кухню.

— Зачем мне на кухню?

— А что ты имеешь против кухни? —

жизнерадостно воскликнул отец, всё ещё потирая передние лапки. — Да там... там не жизнь а одно сплошное наслаждение!

Проговорив это, он умолк, ударившись в какие-то, по всей видимости, весьма приятные воспоминания. Мушка тоже молчала, глядя почему-то не на отца, а на мать, и с трудом сдерживала слёзы.

— Когда мне надо будет отправляться туда? — проговорила она некоторое спустя время. — Сейчас?

— Ну, зачем же сейчас! — облегчённо вздохнул отец. — Завтра с утра и полетишь. И не надо... не надо делать вид, что это какое-то наказание! Наоборот! Там столько всего вкусенького! Скажу по секрету, там встречаются даже такие напитки, от которых потом так приятно себя чувствуешь! Как будто ты — это и не ты вовсе!

— Как это? — не поняла Мушка.

— А так! Руки — себе, ноги — себе! Крылья — тоже, вроде, сами по себе!

— А голова, так, вообще, неизвестно где! — язвительно добавила мать. — Помню, как же! Прилетел однажды с кухни в таком состоянии! И как ещё целым домой добрался!

— Это было давно и неправда! — быстренько проговорил отец и снова вздохнул. Но уже не

облегчённо, а мечтательно.

— В том то и дело, что правда! — оставила за собой последнее слово мать. — Впрочем, разве ты что помнишь!

— Ну, может быть! — отец решил не спорить по таким пустякам. — В тот день мы с шурином и в самом деле немного перепробовали разных таких напитков... просто замечательных напитков! А, вообще-то, на кухне хорошо! Великолепно просто! И было бы ещё лучше, если бы не эти противные люди!

— Люди? — насторожилась Мушка. — А кто это?

— Да никто! Вернее даже, ничто! — досадливо махнул лапкой отец. — И кто их только сотворил, и с какой такой целью? Ни пользы от них настоящей, ни даже эстетического удовольствия! Вообще, ничего кроме сплошного вреда! Да они даже летать не умеют, представляешь, насколько это грубые, примитивные создания!

— Представляю! — сказала Мушка и, спохватившись, добавила: — Точнее, ни капельки даже не представляю...

— Вот именно, не представляешь! — подхватил отец. — Потому, что это трудно даже себе представить!

Высказав всё это, отец умолк на мгновение, скорее всего, ударившись на этот раз в

воспоминания не очень приятные.

— Вот представь себе огромнейшую гору... — начал он издалека. — Представь потом, что эта гора живая и движется! Представила?

— С трудом, — призналась Мушка.

— Вот видишь! А теперь представь ещё, что у этой горы имеются какие-то низменные животные инстинкты, пусть даже самые примитивные! Вот, если ты всё это себе представишь — ты, возможно, и получишь какое-то, пусть самое отдалённое представление об этих монстрах!

Отец вновь умолк, и Мушка тоже молчала, пытаясь хоть как-то представить себе живые движущиеся горы. Но ничего у неё не получилось.

— Не понимаю тогда, — задумчиво проговорила она, — чем же они могут нам мешать, такие примитивные?

— Да всем! — с какой-то непонятной горечью воскликнул отец. — Не знаю почему, но один только вид летящей поблизости мухи сразу же приводит этих чудовищ в самое настоящее неистовство! Возможно, это возникает у них из чувства собственной лётной неполноценности, но, как бы там ни было, эти чудовища способны часами гоняться за одной-единственной мухой и с одной только целью — прихлопнуть её!

— Какой ужас! — не сдержавшись, воскликнула Мушка. — Этого быть не может!

— И ещё как может! — вскричал отец, весьма воодушевлённый тем, что нашёл такого благодарного слушателя. — Впрочем, это ещё не всё! Люди, несмотря на полное отсутствие у них ума-разума, весьма хитрые и коварные создания. Они смогли придумать множество всяческих хитроумных ловушек, смертельно опасных для нас, мух!

— Ловушек для мух? — тут же насторожилась мать. — Ты мне об этом ничего не рассказывал!

— Ну, забыл, значит! — отмахнулся от неё отец, вновь обращаясь к Мушке. — Вот, представь себе, лежит на подоконнике обычная блестящая бумажка. Бумажка как бумажка, да ещё и с таким приятным цветочным запахом, что так и хочется на неё присесть, отдохнуть. Но делать этого нельзя ни в коем случае!

— Почему?

— Да потому, что не успеешь ты только дотронуться до этой бумажки, как нечто невидимое хватает тебя... и всё! И тебе уже не вырваться из его цепких объятий! Наоборот, чем сильнее ты дёргаешься, в тщетных попытках спасения, чем сильнее держит тебя это невидимое «нечто»!

— Как паутина?

— Не совсем, но... в чём-то похоже. Кстати, настоящая паутина там тоже имеется. Во всех

углах. Так что там надо держать ухо востро, если не хочешь угодить на обед голодному пауку. Но и это ещё не всё!

— Не всё?! — схватилась за сердце мать. — Ещё не всё?!

— Не всё! — польщённый всеобщим вниманием, отец повысил голос. — Там ещё везде разбросана отравленная еда...

— Отравленная еда? — недоверчиво переспросила Мушка. — И кто же её отравил?

— Ну, разумеется, люди! Эти безмозглые твари дошли до такой степени низости и идиотизма, что научились отравлять даже сам воздух! Возьмут какие-то баллончики и начинают: пши... пши... пши...

— Какой ужас! — закричала Мушка, плотно затыкая уши. — Замолчи, папочка, я не желаю даже слышать о кухне!

— Я тоже! — добавила мать, обнимая Мушку за плечи. — Ни за что!

— Как это, ни за что?!

Только теперь отец начинает понимать, что сболтнул лишнего. Но, что сказано, то сказано...

— Мы же уже обо всём договорились!

— И что?! — сказала, как отрезала, мать. — Неужели ты думаешь, что я отпущу нашу единственную дочь в это жуткое место! Плохо же ты меня знаешь!

— Язык мой — враг мой! — помолчав немного, со вздохом произнёс отец. — А, вообще, там не так уж и плохо. Живут же мухи и ничего...

— Нет! — в один голос выкрикнули Мушка и её мать. — Ни за что!

— Ну и ладно! — как-то подозрительно быстро пошёл на уступки отец. — Тогда переходим к варианту номер два! Я пока пролечусь... нервишки успокою, как мне жук-санитар советовал... а ты, мать, растолкуй ей всё, как мы и договаривались... Я имею ввиду — вариант номер два! Ну, который на случай, ежели с кухней... ну, сама понимаешь...

Высказав всё это и даже повторив дважды, отец вылетел из дома, а мать и Мушка, оставшись вдвоём, некоторое время лишь молча смотрели ему вслед.

— Так мне... — прошептала Мушка, стараясь не смотреть при этом на мать, — мне не надо будет лететь на эту самую кухню?

— Не надо! — думая о чём-то своём, отозвалась мать.

— Спасибо, мамочка!

Радостная Мушка бросилась к матери, чтобы её обнять, но мать неожиданно сухо и даже сурово отстранила от себя дочь.

— Пообещай мне одну вещь! — произнесла она негромко, почти шёпотом. — Ты меня

слушаешь?

— Я слушаю, мама? — сказала Мушка, настораживаясь. — Что я должна пообещать?

— Пообещай, что ты никогда, слышишь, никогда не полетишь больше на луг! Пообещай мне, что ты никогда не будешь больше работать! — она умолкла в ожидании ответа, но Мушка так ничего ей и не ответила. — Почему ты молчишь?!

— Как я могу пообещать такое, мама! — прошептала Мушка и, наконец-таки, решилась взглянуть на мать.

И тут же заметила в её глазах слёзы.

— Мамочка, ты, плачешь?

Мушка вновь попыталась обнять мать, но та в очередной раз отстранила, вернее, не отстранила даже, с силой оттолкнула от себя дочь.

— Зачем ты так, мама?! — вскрикнула обиженная до самой глубины души Мушка. — За что?

— За всё! — закричала мать. — Да ты... ты знаешь, кто ты?! Ты — эгоистка! Злая, неблагодарная, бессердечная эгоистка, вот кто ты!

— Мама, зачем ты так?! — с ужасом прошептала Мушка. — Мама, я...

И она вновь замолчала, не зная, что и сказать дальше. А мать тем временем продолжила свою обличительную речь:

— Ты что, не понимаешь, в какое опасное

положение поставила ты и себя, и нас с отцом?! Ты что, не понимаешь, что может произойти, если хоть кто-либо из соседей...

Тут силы, кажется, совершенно оставляют мать, и она, не договорив, начинает молча плакать. Она плачет, и Мушка тоже принимается всхлипывать ей в унисон.

— Ну вот, расплакались обе... — вздохнула мать, вытирая самым кончиком крыла заплаканные глаза. — Ну, я то понятно, почему... а ты вот чего разревелась?

— Мама, я... — Мушка, тоже перестав плакать, печально вздохнула и низко опустила голову. — Я просто не думала, что это так серьезно...

— Это очень серьезно, доченька!

Тщательно вытерев глаза, мать вновь подлетела к столу, села на стул.

— Последнее время, как только увижу осу — вся дрожу от страха!

— Но ты же всегда боялась ос! — резонно заметила Мушка. — И ты, и папа...

— Не всегда! — резко оборвала Мушку мать. — Пока я знала, что никто из нас не нарушает закон...

— Закон?!

Подлетев к матери, Мушка уселась рядом с ней, обняла мать за плечи.

— Ты что, до сих пор веришь в то, что осы хватают лишь нарушителей закона? Ты всё ещё в это веришь, мама?! Да они ведь каждый день кого-нибудь да хватают!

Это и в самом деле было так, и мать сама всё это прекрасно знала. Но согласиться с тем, что в их мушиной стране царит сплошная несправедливость... нет, на такое мать Мушки никак пойти не могла!

— Ну... — как-то нерешительно начала она, искоса поглядывая на дочь, — это всё потому, что за последнее время и в самом деле развелось много этих самых нарушителей. Раньше их столько не было...

— А, может, раньше просто было меньше ос? — отозвалась Мушка. — Да и что это за законы такие, которые просто невозможно не нарушить! Кстати, ты их хорошо знаешь, мама?

— Откуда! К тому же, они так часто меняются...

— Вот видишь!

Мушка рассмеялась, но как-то невесело и в полном одиночестве, а потому сразу же замолчала.

— Как же ты можешь знать — нарушаешь ты в данный момент тот или иной закон или не нарушаешь? Как же ты можешь знать это, если законов сотни и тысячи... и каждый день принимаются всё новые или изменяются старые!

Разве мы можем знать, что нам разрешено сегодня, а что запрещено?!

— Конечно, эти законы... — вынуждена была согласиться мать, — просто не успеваешь к ним приспособиться...

— Вот видишь! — торжествующе воскликнула Мушка, но, оказывается, мать ещё не закончила.

— Но закон о том, что работать нельзя — он всегда остаётся главным законом нашей страны! — проговорила она печально и даже как-то торжественно. — И нарушителей этого закона ждёт самое суровое наказание!

Высказав всё это, мать замолчала.

— Мама, — спросила вдруг Мушка странным каким-то, донельзя напряжённым голосом, — скажи, что случилось с твоим братом, моим дядей?

— Что?!

Вздвогнув, как от удара, мать поднялась с места, в нерешительности подлетела к окну.

— Откуда ты... Кто тебе рассказал о твоём дяде?

— Что с ним случилось, мама? — проговорила Мушка всё тем же напряжённым голосом. — Его что, арестовали?

— Я... я не знаю!

Проговорив, вернее, пробормотав это, мать вновь возвратилась к столу.

— Я ничего не знаю! — тихо, еле слышно проговорила она, вновь опускаясь на стул. — Правда, ничего не знаю...

— Ты до сих пор не можешь забыть его, мама? — так же тихо спросила Мушка.

— Что?

Вскочив (точнее, взлетев) с места, мать смотрит на Мушку, смотрит долго... и под пристальным этим её взглядом Мушка низко опустила голову.

— Не говори глупостей! — строго произнесла мать. — И даже не думай о них!

— Это не глупости, мама! — не поднимая головы, прошептала Мушка. — Я ведь знаю, как ты любила его!

— Любила?! — думая о чём-то своём, произносит мать. — Да, любила! А что ты ещё знаешь?

— Больше ничего.

Мушка, огорчённо вздохнув, подлетела к матери, обняла её за плечи.

— Но я горжусь своим дядечкой! Очень горжусь! И так хочу быть похожей на него!

— А знаешь, — отстраняясь от дочери, сухо произнесла мать, — тебя и в самом деле надо куда-то срочно отправить! Вот только куда?

— А вот и папа! — повернувшись к двери, воскликнула Мушка с наигранным каким-то

весельем.

В комнату и в самом деле влетел отец, впрочем, кажется, он влетел немножечко ранее и, задержавшись у самой двери, некоторое время там и находился, внимательно прислушиваясь к разговору матери с дочерью.

— Ну, что? — поняв, что обнаружен, обратился он к матери. — Ты сказала ей то, о чём мы с тобой договаривались?

— Не успела ещё... — виновато прошептала мать.

— Не успела! — вскричал отец, разгневанно кружась по комнате. — Полчаса ляды точила, а как о самом главном: не успела ещё!

— О чём главном, папа? — с недоумением спросила Мушка отца. — Не понимаю!

— Не понимаешь?!

Мушка, ничего не отвечая, повернулась к матери.

— В чём дело, мама?

— А в том дело, моя дорогуша, — вместо матери ответил отец, — что, возможно, кто-либо из наших досужих соседей уже видел тебя на том лугу! Да ещё в компании этих... этих пчёлоподобных!

— Видел?! — испуганно ахнула мать, вновь хватаясь за сердце. — Как, видел?

— Я говорю: возможно! — раздражённо

буркнул отец. — И не перебивай меня, я и сам перебуюсь... точнее, собуюсь!

Высказав всё это одним духом, отец умолк, и какое-то время все трое молча смотрели друг на друга.

— Так вот... — снова начал отец, — если кто-то что-либо уже видел и, естественно, донёс куда следует, тогда...

— Тогда, что? — насторожилась Мушка.

— Тогда тебя или нас всех вызовут на допрос!

— На допрос! — вторично ахнула мать. — Нет, только не это!

— Не перебивай, я кому сказал! — рывкнул на неё отец и, повернувшись к Мушке, продолжил, понизив голос почти до шёпота: — Так вот, если такое случится, тогда ты...

— Я должна всё отрицать, да? — тоже шёпотом спросила Мушка.

— Нет, — вздохнул отец, — это уже не поможет! А вот если ты...

Вторично вздохнув, отец замолчал и как-то странно посмотрел на Мушку. Странно и с каким-то смущением даже...

— Если ты во всём чистосердечно признаешься...

— Признаюсь?

С недоумением и даже с каким-то ужасом Мушка посмотрела на отца. Что он такое говорит?!

— Во всём признаться самой?

— Вот именно! — шепчет отец. — Именно самой и именно во всём!

— Но ведь тогда меня... нас всех...

Не договорив, Мушка умолкает. Впрочем, отец и так отлично понимает, что хотела сказать, да так и не договорила его дочь.

— Ничего плохого с нами не случится, — произнёс он уже чуть громче, и даже с каким-то пафосом, — если ты скажешь, что делала всё это специально!

— Специально? — ничего не понимая, переспросила Мушка. — Что я делала специально?

— Да всё! — поражаясь недогадливости дочери, воскликнул уже в полный голос отец. — Всё делала специально! Специально завела знакомство с этими тупыми пчёлами с одной единственной целью: разведать все их военные и экономические секреты! То есть, всё то, что так необходимо Его Высочеству, Великому Шершню! Всё то, что эти гадкие пчёлы...

— Но что такого я могла там разведать? — перебив отца, воскликнула уже сама Мушка. — Какие такие секреты?

— Да разные! — отец вновь понизил голос до едва различимого шёпота. — Ну, к примеру, где хранится их стратегический запас мёда, как велика там пчелиная охрана, как часто она меняется...

Понимаешь?

— Но ведь я... я никогда ни о чём таком их не спрашивала! — растерянно прошептала Мушка. — Я просто... просто помогала им и всё...

— Ну, так спроси!

Вскочив (а точнее, взлетев) с места, отец вновь принялся беспорядочно кружить по комнате.

— Как маленькая, ей богу! Для этого я разрешаю тебе ещё разочек, самый последний, посетить этот их проклятый луг! Ну, что ты на меня так уставилась?! Ну, слетай разочек, повстречайся там с этими своими пчёлами... и так, между прочим, поинтересуйся у них о том, о сём... Но делай это осторожно, чтобы не сразу заподозрили!

Выпалив всё это одним духом, отец умолк и, перестав кружиться, внимательно посмотрел на дочь.

— Ну, как тебе моё предложение?

Мушка ничего не ответила.

— Что же ты молчишь? — забеспокоился отец, вновь начиная кружить по комнате. Скажи, что согласна? — он умолк в ожидании, но Мушка лишь отрицательно мотнула головой. — Ты... ты что, не согласна?!

— Я... я... — прошептала Мушка сквозь слёзы, — я не смогу! Не смогу я! Я... поймите меня правильно!

И, заплакав уже во весь голос, она вылетела из

комнаты.

— Чего это она? — несколько смущённо проговорил отец, выглядывая в окно. — Куда это она? — продолжил он в ещё большем смущении. — Надеюсь, на луг?

Он умолк, повернулся в сторону матери, которая, ничего на это не отвечая, тоже смотрела в сторону окна.

— А если на луг, то, надеюсь, что она правильно восприняла всё то, что я ей... Ну, что ты всё молчишь?!

— Не надо было предлагать ей такое! — тихо проговорила мать, поворачиваясь к отцу. — Как ты мог её такое посоветовать?!

— Ну вот, я ещё и виноватым остался!

Махнув лапкой, отец вновь начинает раздражённо кружить по комнате.

— Я виноват, да?! Во всём виноват, да?! И в том, что наша дочь связалась с этими пчёлоподобными — это тоже моя вина, да?!

— Тише! — с тревогой воскликнула мать, внимательно к чему-то прислушиваясь. — Кто-то сюда летит!

Отец умолкает, и как раз вовремя, ибо в это самое время в комнату ввалились две осы в полосатых мундирах и со шпагами на перевязи.

Некоторое время осы стоят неподвижно, рассматривая перепуганных мух и явно забавляясь